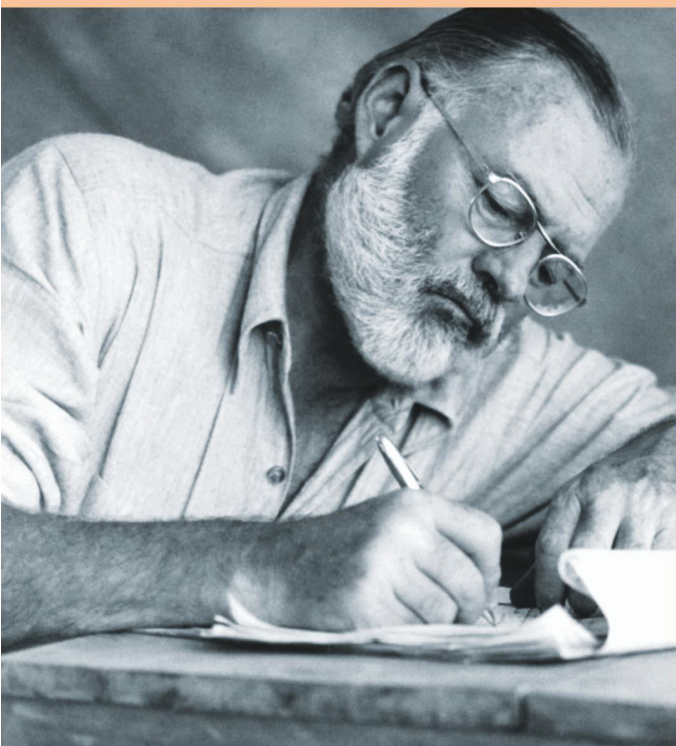

ISBN 978-83-66216-34-1

Булычёва М.Ф.

ЗНАЧЕНИЕ ЭПИГРАФА РОМАНА Э. ХЕМИНГУЭЯ “ПО КОМ ЗВОНИТ КОЛОКОЛ”

МОНОГРАФИЯ

 iScience

Варшава, Польша - 2020

**ВОЕННО-ТЕХНИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ
НАЦИОНАЛЬНОЙ ГВАРДИИ РЕСПУБЛИКИ УЗБЕКИСТАН**

М. Ф. БУЛЫЧЁВА

**ЗНАЧЕНИЕ ЭПИГРАФА РОМАНА Э. ХЕМИНГУЭЯ
“ПО КОМ ЗВОНИТ КОЛОКОЛ”**

МОНОГРАФИЯ

Варшава-2020

ББК:82.1
Б-90

Монография рекомендована для печати приказом
Научно-методического совета Военно-технического института Национальной
гвардии Республики Узбекистан № 30
от 12 июня 2020 года.

Автор:

*Булычёва Маргарита Фаритовна - старший преподаватель кафедры
Иностранных языков Военно-технического института
Национальной гвардии Республики Узбекистан*

Рецензенты:

*Кон Олег Викторович – кандидат педагогических наук, доцент
Ташкентского государственного университета языка и литературы
имени Алишера Навои*

*Зайнутдинова Динара Талатовна - доктор филологических наук, профессор
Ташкентского института инженеров ирригации и механизации сельского
хозяйства.*

Булычёва М. Ф./ Значение эпиграфа романа Э. Хемингуэя “По ком звонит колокол. Монография. // Ответственный редактор: д.ф.н., проф. Г. А. Асилова. - Варшава: iScience Sp. z o. o., 2020 - 42 стр.

Творчество Хемингуэя на протяжении многих лет привлекало внимание критиков. Споры вокруг содержания творчества и стиля Хемингуэя не утихают и ныне. Критики, расходясь в деталях, сходятся в главном: книга «По ком звонит колокол» явилась отражением миропонимания автора и стала «вкладом в американскую мировую литературу».

Данная работа посвящена раскрытию значения эпиграфа романа Хемингуэя «По ком звонит колокол». В первой главе даётся обзор зарубежной и советской критики о романе. Во второй главе прослеживается соотношение содержания эпиграфа и романа. Эпиграф из Джона Донна является ключом для каждого, кто читает роман, и если колокол отзывается в душе читающего, то значит, не прервана связь острова и материка, и роман, написанный в 1939 году, актуален и сегодня. Особенно в юбилейный для его автора год.

Монография предназначена для преподавателей и курсантов, желающих расширить свой кругозор и интересующихся проблемой цели и средств, проблемой насилия и пробуждением совести.

ISBN 978-83-66216-34-1

© Булычёва Маргарита Фаритовна
© Военно-технический институт
Национальной гвардии
Республики Узбекистан
© iScience Sp. z o. o. 2020

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	4
I. ГЛАВА. ЗАРУБЕЖНАЯ И СОВЕТСКАЯ КРИТИКА О РОМАНЕ	9
II. ГЛАВА. СООТНОШЕНИЕ СОДЕРЖАНИЯ ЭПИГРАФА И РОМАНА	20
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	37
ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА	40

ВВЕДЕНИЕ

Творчество Хемингуэя на протяжении многих лет привлекало внимание критиков. Они открывали в нём новые черты, терялись перед «тайной» авторской манеры писателя и выступали с противоречивыми суждениями. Споры вокруг содержания творчества и стиля Хемингуэя не утихают и ныне, но с каждым днём становится всё яснее, какое значительное место писатель занимает в мировой литературе XX века. В его лучших произведениях с необыкновенной глубиной отражены некоторые ведущие тенденции эпохи, показаны определённые коренные условия существования, формирующие работу сознания, созданы типы интернационального значения. Творчество Хемингуэя, «при всей его противоречивости и неравноценности, является существенным вкладом в художественную культуру человечества»¹.

Хемингуэя-писателя сформировала первая мировая война. Ведущая линия его творчества неразрывно связана с разработкой антивоенной темы. Хемингуэй всегда считал войну трагедией, но отношение его к этой трагедии не оставалось неизменным. Развенчав буржуазные представления о патриотизме, чести, долге и тому подобном, писатель показал бесчеловечную сущность империалистической войны. Когда же усиление социальных противоречий и наступление фашизма вынудили его пересмотреть своё отношение к миру, он пришёл к выводу о необходимости сражаться с реакцией. Война против фашизма в глазах Хемингуэя была насыщена гуманистическим смыслом, а участие в ней на стороне прогресса представлялось писателю высшим нравственным долгом человека.

Хемингуэй был прямым продолжателем реалистических и гуманистических традиций американского писателя Марка Твена. Но национальные проблемы США получили в творчестве Хемингуэя весьма своеобразную трактовку. Главным героем всех его крупных произведений, за исключением повести «Старик и море», неизменно является американец. Однако Хемингуэй чаще всего показывает своего героя не в Америке, а в других странах: Джейк Барнс живёт во Франции, посещает Испанию; Фредерик Генри вступает в итальянскую армию, а дезертировав, отправляется в Швейцарию; Роберт Джордан воюет и погибает в Испании. Только Гарри Морган живёт в США, но и его жильё находится на самой границе страны. В этой особенности романов Хемингуэя отразилось тяготение

¹ Лидский Ю.Я. «Творчество Хемингуэя». 1978. с. 3.

писателя к интернациональной тематике, стремление выделить основные черты времени, характерные для всего западного мира. Не порывая с реалистической традицией, Хемингуэй создал оригинальный, новаторский стиль, великолепно соответствующий задачам, которые история поставила перед художником.

Эстетика писателя нашла воплощение в его художественных произведениях. Но Хемингуэй и прямо излагает основные принципы своего эстетического кредо в «Смерти после полудня», «Зеленых холмах Африки», некоторых интервью, выступлениях и письмах. Эстетические взгляды писателя, как и его творчество, не оставались неизменными. Под влиянием исторических событий Хемингуэй все отчетливее осознает, что искусство, прежде всего, должно служить человеку, должно играть активную роль в борьбе за утверждение гуманизма. Связь эстетических и социальных категорий является одной из важнейших определяющих черт эстетики Хемингуэя. Это нужно учитывать при анализе произведений писателя.

Творчество Хемингуэя обусловлено сложностью времени и тем нравственным потрясением, которое мировая война принесла миллионам людей земли. Чтобы понять и объективно рассмотреть каждое произведение Хемингуэя, его творчество в целом, необходимо выделить те доминанты стиля, которые вытекали из его эстетической системы и, в соответствие с которыми были приведены многочисленные «элементы» и сами по себе немаловажные.

Хемингуэй не чужд анализа. Но с самого начала его творчества именно трудности обнаружения этого анализа вызывали массу критических оценок, многие из которых сегодня кажутся несостоятельными. Дело в том, что Хемингуэй не показывает читателю процесс анализа, отказывается от собственного комментария. Анализ в произведениях писателя содержится в скрытой форме, составляет основу авторского синтеза и почти никогда не выносится на поверхность. Синтез – одна из самых существенных черт стиля Хемингуэя, характеризующегося особой сдержанностью. Там, где синтез лишается аналитического основания, стиль писателя как бы вырождается, проявляет показательные слабости и утрачивает способность эмоционально воздействовать на читателя. Итак, синтезом мы называем “такую организацию художественного повествования, при которой психологическое состояние персонажа, причины действия, причины отдельных поступков и тому подобное не анализируются непосредственно в тексте, а лишь имплицитно, ничего не теряя в достоверности”².

² Лидский Ю. Я. «Творчество Хемингуэя». 14. 1978. с. 3.

Обращаясь к синтезу, Э. Хемингуэй вовсе не оставляет внутреннее содержание произведения на произвол субъективного восприятия. Писатель использует тончайшие средства, чтобы вызвать у читателя строго направленную ассоциацию. Точный расчёт на ассоциативность человеческого мышления – неперемнное качество авторского синтеза. Также ассоциации очень способствуют созданию эмоционального эффекта, так как заставляют читателя невольно «подставлять» себя на место героя, вызывают чувство сопереживания и «эффект присутствия».

«Роман Хемингуэя не только читаешь, его видишь, слышишь, осознаешь». Олеша Ю. прав, когда говорит, что, обращаясь к книгам Хемингуэя, «даже не можешь дать себе отчёт читаешь ли книгу, смотришь ли фильм, видишь ли сон, присутствуешь ли при совершающемся на самом деле событии»³.

Значение творчества Хемингуэя косвенно отразилось в том факте, что начиная с 20-х годов, его произведения постоянно остаются в центре внимания литературной критики. Зарубежная хемингуана насчитывает сотни работ, а число посвящённых писателю исследований и статей на русском языке перевалило за сто.

Среди многочисленных зарубежных монографий, посвящённых Хемингуэю, наибольший интерес, по мнению Лидского Ю.Я., представляют книги Бейкера К. и Янга Ф. Работа Бейкера К. содержит очерк творческого пути Хемингуэя. В ней множество тонких наблюдений и интересных замечаний, но концепция исследователя, пытавшегося представить Хемингуэя символистом, как считает Лидский Ю. Я., оказывается в общем непропорциональной. Янг Ф. выделил у Хемингуэя два типа героев – «героя кодекса» и «хемингуэевского героя» - и в этом плане рассматривал всё творчество писателя. Работа критика, по замечанию Лидского Ю. Я., оказалась недостаточной для объективной оценки созданного Хемингуэем. В зарубежной хемингуане выделяются также некоторые статьи. В частности, особенно важны и интересны работы Хэллидея Э., резко раскритиковавшего концепцию Бейкера К. и подробно исследовавшего место иронию и вопрос о повествовательной перспективе в произведениях Хемингуэя. Статьи Хэллидея Э. выгодно отличаются от многих других глубиной и серьёзностью анализа, замечает Лидский Ю. Я., а общий вывод критика о том, что Хемингуэй был реалистом, представляется в высшей степени обоснованным.

Усилиями критиков, литературоведов и биографов Хемингуэя выяснены многие важные проблемы его жизни и творчества. Можно

³ Орлова Р. Д. «Творчество Хемингуэя». Новосибирск. 1968. с. 13.

сказать, что большая заслуга в этом принадлежит советскому литературоведению. Прежде всего, нужно отметить многочисленные работы Кашкина И. А.⁴, на протяжении десятков лет пристально наблюдавшего и оценивавшего творчество писателя. Труды Кашкина И.А. получили мировое признание и были обобщены в монографии, которые вполне можно рассматривать как солидное введение в творчество Хемингуэя. К сожалению, оценки критика не всегда справедливы. Довольно подробные очерки творчества писателя принадлежат перу Мендельсона М.⁵ и Засурского Я. Н.⁶. Кроме того, творчество Хемингуэя или его отдельные аспекты анализируются в широко используемых статьях Платонова А., Олеси Ю., Эльяшевича А., Орловой Р. Д., Финкельштейна И. и др.⁷.

Соглашаясь с оценками многих критиков, хочется особо отметить работы Орловой Р.Д., чья точка зрения по поводу романа «По ком звонит колокол» представляется нам наиболее близкой и точной.

Тенденция глубоко анализировать отдельные произведения Хемингуэя и весь его творческий путь с каждым годом всё сильнее ощущается в работах исследователей. Всё же некоторые частные и общие вопросы творчества писателя до сих пор не получили достаточного аналитического освещения. Это заметно во множестве противоречий в критических оценках, в спорах по поводу таких произведений писателя, как «По ком звонит колокол», «Старик и море» и других. До сих пор раздаются голоса, отрицающие дарование Хемингуэя – романиста, неоправданно понижающие значение и художественное качество некоторых крупных его произведений. Отсутствует единодушие и в определении того места, которое занимает творчество писателя в современной мировой литературе.

⁴ Кашкин И.А. «Для читателя современника». М. 1977.; «Э. Хемингуэй. Критико-биографический очерк». М. 1966; «Эрнест Хемингуэй» М. 1966.

⁵ Мендельсон М. «Современная американская литература». М. 1947; «Современный американский роман». М. 1964.

⁶ Засурский Я. Н. «Литература США XX века». М. 1978; «Литература США XX века». М. 1984.; «Американская литература США XX века». М. 1966.

⁷ Платонов А. Навстречу людям. «Литературный критик». 1938. №1; Олеса Ю. «Повести и рассказы». М. 1965.; Эльяшевич А. Человека нельзя победить. «Вопросы литературы». 1964. №1.; Орлова Р. Д. «О революции и любви, о жизни и смерти». «Звезда». 1964. №1.; Финкельштейн И. В поисках поэтической истины. «Вопросы литературы». 1965. №4; Советская критика о Хемингуэе. «Вопросы литературы» 1967. №8; «Хемингуэй – романист. Годы 20 и 30». Горький. 1974.

Каждый из критиков вносил в понимание романа что-то новое. И почти с каждым из них нельзя не согласиться. Мы не можем сейчас с полной уверенностью утверждать, что именно хотел сказать и что сказал своим романом Хемингуэй. Но прочтя роман и работы, написанные известными литературоведами по поводу этого романа, приходишь к выводу: пусть не всё, что хотел и мог, вынес писатель в своё произведение, но эта попытка была сделана. И она удалась. Критики, расходясь в деталях, сходятся в главном: книга явилась отражением миропонимания автора и стала «вкладом в американскую и мировую литературу».

Данная работа посвящена раскрытию значения эпиграфа романа Хемингуэя «По ком звонит колокол». В первой главе даётся обзор зарубежной и советской критики о романе, это может вызвать интерес, потому что отзывы о романе весьма разнообразны и порой противоречивы, и ещё потому, что нельзя говорить о значении и содержании эпиграфа, не зная содержания и значения романа. Во второй главе прослеживается соотношение содержания эпиграфа и романа.

ГЛАВА I

Начало работы над романом «По ком звонит колокол» Хемингуэй датировал 1 марта 1939 года. Он трудился над книгой почти непрерывно и очень напряжённо. В конце июля следующего года рукопись была закончена, и 21 октября первое издание романа вышло в свет.

Судьба романа «По ком звонит колокол» в критике причудлива. Были критики и в США и за рубежом Америки, которые сразу высоко оценили роман, но были и такие, что имели противоположное мнение.

Американский писатель Форстер назвал «Колокол» «книгой для взрослых». Артур Лундквист считал, что этот роман «книга жизни». Французский критик Огюст Англез писал: «Эта книга не иллюстрирует такую-то и такую-то концепцию. Нет, здесь мы находим то молчание, ту уравновешенность, то естественное спокойствие, которое присуще великим творениям искусства; оно самодостаточно, оно живёт органичной жизнью, в нём сочетаются американская жизнеспособность с достоинством, с гармонией, с богатой человечностью великих европейских романистов XIX века»⁸.

Но критики, высоко оценившие роман, тогда находились в меньшинстве. Книга Хемингуэя удивила и разочаровала многих критиков, читателей и почитателей. Удивила, прежде всего, потому, что противоречила ожиданиям, противоречила тому, как должно, а должное всегда основывается на том, как уже было.

«Сама позиция лирического героя обусловила суровость и пристрастность критиков разных лагерей»⁹: Джордан – последовательный антифашист, демократ, республиканец, отсюда возмущение всех врагов республики, тех, кто и тогда занимал и теперь занимает иные позиции. Джордан – не коммунист, он союзник коммунистов, но в некоторых важных вопросах он для себя, про себя, критикует коммунистов. Отсюда раздражённая отповедь вчерашних товарищей по оружию. «Роман оценивали как политический памфлет, как листовку и, встав на эту неверную точку зрения, находили, вполне естественно, многие недостатки»¹⁰. Один американский критик

⁸ Р.Д. Орлова. «По ком звонит колокол». Новосибирск. 1968. Стр. 41.

⁹ Р.Д. Орлова. «По ком звонит колокол». Новосибирск. 1968. Стр. 41.

¹⁰ Р.Д. Орлова. «По ком звонит колокол». Новосибирск. 1968. Стр. 41.

утверждал тогда, что «Хемингуэй – сталинист, другой, – что Хемингуэй – фашист»¹¹.

В ряде зарубежных статей и рецензий сделана попытка оценить роман в целом на основании иногда беглого, а иногда и более подробного освещения его идейно-эстетических особенностей. Кейзин Э. нашёл «Колокол» романом неудовлетворительным вообще и неудовлетворительным для Хемингуэя, ибо, по мнению критика, в нём проявился анархический индивидуализм автора, не обладавшего к тому же достаточным чувством масштабности, необходимым для успешного отображения «нового мира войны и борьбы»¹². Фрохок У.М. полагал, что «Колокол» уступает лучшим произведениям Хемингуэя; интересно также, что в статье этого «критика содержится крайне односторонняя оценка знаменитой вставной новеллы об избитии фалангистов»¹³.

Испанцы ждали, что Испания будет показана в романе так, как испанцы привыкли себя видеть. Испанский критик Артуро Бареа писал: «Не разделяя стремлений, жизни, страданий испанцев, он мог писать о них только в соответствии с той Испанией, которая существовала лишь в его воображении»¹⁴. Он в статье под названием «Не Испания, но Хемингуэй» «заявил, что автор «Колокола» довольно поверхностно знал Испанию и испанский язык, в результате чего допустил множество мелких и крупных отступлений от жизненной правды. Бареа А. утверждал, что фалангисты – испанцы «психологически» не могли совершить группового изнасилования. Это утверждение, яко бы основанное на свойствах испанского характера, каким он представляется Бареа А., полностью опровергается фактами. Сошлёмся на свидетельство участника испанских событий Мамсурова Х., который по своему положению во время гражданской войны должен был знать и, несомненно, знал о таких случаях больше, чем Бареа А., исходящий из умозрительных построений¹⁵: «Я, – сообщает Мамсуров Х., – рассказал ему (Хемингуэю) об испанке Марии, о расправе фашистов над её родителями и над ней самой... В романе описано всё; как было на самом деле... Разница между героиней романа и подлинной Марией только в одном. Хемингуэй

¹¹ Р.Д. Орлова. «По ком звонит колокол». Новосибирск. 1968. Стр. 41.

¹² Лидский Ю.Я. Творчество Хемингуэя. Стр. 287-288.

¹³ Лидский Ю.Я. Творчество Хемингуэя. Стр. 287-288.

¹⁴ Орлова Р. Д. «По ком звонит колокол». Новосибирск. 1968. Стр. 45.

¹⁵ Лидский Ю.Я. Творчество Хемингуэя. Стр. 289.

описывает страдания взрослой девушки, а той Марии было двенадцать лет»¹⁶. Как видно, пишет Лидский Ю. Я., Хемингуэй знал действительно значительно лучше, чем это представлялось Барера А., серьёзные критические замечания которого грешат той же абстрактной умозрительностью¹⁷.

Буржуазные критики США ждали «старого» Хемингуэя. В одной из рецензий 1950 года было сказано: «Господин Хемингуэй, печатайте, пожалуйста, Вашу сцену убийства (имеется в виду рассказ Пилар) отдельной брошюрой и позабудьте о романе «По ком звонит колокол». Оставьте гражданскую войну в Испании для Мальро. Рассказывайте нам по-прежнему о храбрых людях, которые умеют наслаждаться жизнью. Мы не просим Вас учить нас, как надо жить»¹⁸.

Сопоставления с романом Андре Мальро «Надежда» часто встречались во французской критике. По мнению Альбера Камю, роман «По ком звонит колокол» рядом с романом Мальро, – детская книга. «Нельзя сочетать Голливуд и Гернику», писал он. Ему возражал Франсуа Мориак, для которого роман Хемингуэя был выше, чем роман Мальро¹⁹.

Некоторые исследователи особенно выделяют образ Роберта Джордана, главного героя романа, и дают общую оценку произведения, исходя из более или менее произвольной трактовки этого образа. При этом подчас тоже делаются попытки сопоставить «Колокол» с другими художественными произведениями о гражданской войне в Испании. Гайсмар М. полагал, что роман Хемингуэя уступает революционным романам Андре Мальро или антифашистским произведениям Игнация Силоне, так как Хемингуэй недостаточно глубоко разработал свою тему, в результате чего читатель получил только общее представление о гражданской войне в Испании²⁰. Уилсон Э. считал, что героя в критический момент поддерживает только память о послужном списке деда-участника гражданской войны в Америке²¹. Агостино Н. Д. объявил Джордана

¹⁶ Яковлев Е. Скажите: по ком звонит колокол. «Журналист». 1962. №1. С. 59.

¹⁷ Лидский Ю.Я. Творчество Хемингуэя. Стр. 287-288.

¹⁸ Орлова Р.Д. «По ком звонит колокол». с. 41-42.

¹⁹ Орлова Р.Д. «По ком звонит колокол». с. 41-42.

²⁰ Лидский Ю.Я. Творчество Хемингуэя. С. 288.

²¹ Лидский Ю.Я. Творчество Хемингуэя. С. 288.

ещё одним «потерянным» молодым человеком, а роман в целом – отражением очередной одинокой драмы²².

Крайне резко выступили против «Колокола» критики, полагавшие, что Хемингуэй дал в романе картину, совершенно противоположную собственному авторскому замыслу. Среди сторонников этой точки зрения выделяется Бергем Э. Б., считавший, что «Колокол» повредил делу республики, превратился в обвинение там, где Хемингуэй планировал защиту. Весьма показательно, что Бергем Э. Б. определяет позицию Джордана как позицию тупого исполнителя, психологически более соответствующую фашистским нормам поведения. Уикс Р. П., основывающий свой взгляд на ложной трактовке образа фашистского лейтенанта Беррендо, не нашёл разницы в отношении писателя к персонажам из республиканского и фашистского лагерей и, естественно, пришёл к неправильной оценке романа в целом²³.

Некоторые критики огорчались, что Хемингуэй «недостаточно разоблачает» коммунистов. Так Триллинг утверждал, что в романе смерть Джордана случайна и потому художественно бессмысленна. В действительности же, считал он, в гибели Джордана повинен, прежде всего, Марти и всё, что за ним стоит. «Если бы это стало фокусом романа, перед нами была бы личная трагедия, которая действительно знаменовала бы трагедию испанской войны, трагедию, состоящую не только в поражении превосходящими силами, но и в морально-политическом поражении»²⁴.

Больше всего ждали от писателя его соратники. Больше всего ждали и сильнее всего разочаровались.

Едва «Колокол» вышел из печати, как с критическими и хвалебными отзывами о нём выступили участники испанских событий. В 1940 году резко отрицательную рецензию опубликовал Бесси А., утверждавший, что события в Испании не являются существенной движущей силой книги. С ним согласились и некоторые другие. Многим интербригадовцам – Гансу Кале, Густаво Дюрану, Мирко Мирковичу, Стиву Нелсону – роман понравился. Косвенное продолжение эта полемика получила в ноябре 1964 года.

В 1964 году в прогрессивном американском журнале «Американский диалог» были впервые опубликованы письма

²² Лидский Ю.Я. Творчество Хемингуэя. С. 288.

²³ Лидский Ю.Я. Творчество Хемингуэя. С. 289.

²⁴ Орлова Р. Д. «По ком звонит колокол». с. 42.

Хемингуэя к Мильтону Вольфу, командиру батальона Линкольна в Испании. В статье «Мы встречались в Испании» Вольф подробно излагает историю вопроса. Он, Вольф подписал письмо ветеранов батальона Линкольна, письмо по существу зачеркивающее роман. Оно было опубликовано в 1940 г. В «Дейли Уоркер». А кроме того, Вольф написал ещё и личное письмо Хемингуэю, письмо тоже очень резкое, где назвал Хемингуэя «туристом» в Испании («этого я не должен был делать», - комментировал Вольф свой поступок позже). Но и теперь Вольф утверждает: «Я считал тогда и считаю сейчас, что испанский народ вёл большую войну, испанский народ понёс большие жертвы... и дело не в Хемингуэе и не в Вольфе, и что книга Хемингуэя об испанской войне должна была быть написана об этом, а не о «вечных истинах искусства, не о «любви, когда плывёт земля», не о смерти, не о пессимизме... книга об Испании всё ещё не написана. И о господи, Хемингуэй мог её написать»²⁵.

Вольф далеко не одинок. Участникам часто кажется, что о них, о событии написано «не так». Более того, им ошибочно представляется, что им-то известно заранее, как должно было быть написано. Так казалось критикам «Войны и мира», критикам «Конармии» Бабея, критикам «Тихого Дона» Шолохова, (к сожалению даже такой тонкий и талантливый человек, как Иван Александрович Кашкин, блистательный знаток и первооткрыватель Хемингуэя для русского читателя, и он отдал дань этим заблуждениям. В его книге о Хемингуэе, изданной посмертно сказано: «... Приходится согласиться, что талантливый роман Хемингуэя, несмотря на исключительные художественные достоинства – ещё не настоящая книга о гражданской войне»²⁶)²⁷.

А между тем, если великое произведение искусства есть открытие: тогда никто, в том числе и самые благородные, самые умные, самые передовые люди своего времени, никто не может сказать, какой должна быть та или иная книга. Никто не может и не должен подравнивать в муках рождённое явление искусства к чему-то, ранее созданному, к некоему, отвлечённому умозрительному образцу, модели. Явление искусства само создает критерии оценки²⁸.

²⁵ Орлова Р. Д. «По ком звонит колокол». с. 42-43.

²⁶ Орлова Р. Д. «По ком звонит колокол». с. 42-43.

²⁷ Кашкин И.А. «Эрнест Хемингуэй». М. 1966.

²⁸ Орлова Р. Д. «По ком звонит колокол». с. 43.

Ответ Хемингуэя Вольфу, по словам Орловой Р. Д., – это поток ругани, это рёв раненого зверя. «Только прочтя это письмо, видишь, до какой степени задела, обидела писателя несправедливость товарищей», – замечает Орлова Р. Д.

Именно книга о вечных истинах искусства, о любви и смерти и оказалась книгой о гражданской войне, об Испании, о её народе. И никто за прошедшие годы лучшей книги не написал. Победил в том давнем споре художник²⁹.

С первых шагов творческой деятельности Хемингуэй стремился к тому, чтобы разбивать призму привычных восприятий. «... Самое трудное для меня, помимо ясного сознания того, что действительно чувствуешь, а не того, что полагается чувствовать, и что тебе внушено, было изображение самого факта, тех вещей и явлений, которые вызывают испытываемые чувства»³⁰.

Хемингуэй изобразил Гражданскую войну в Испании не так, как раньше до него изображали эту и другие революционные войны, а так как он сам её увидел. Он человек, ему тоже свойственно ошибаться, да и увидел он далеко не всё. Но он не закрывал глаза, не отворачивался от трудного и мучительного, не приукрашивал. И об этом теперь легче судить: отошла злоба дня и мера художественной правды в романе, его достоинства, его значение, его место в современной литературе выступают всё яснее и отчётливее³¹.

Роман Хемингуэя, как и любое великое произведение, можно судить лишь в соответствии с законами созданного писателем художественного мира³².

«Автор смотрит на огромные события в небольшой объектив. Видит он как будто и немного. Но то, как он видит, оказывается чрезвычайно важным, – и не только для понимания испанской гражданской войны», – отмечает в своей статье Орлова Р.Д.

Советских исследователей, в первую очередь интересуется идейная сторона романа, но, к сожалению, при этом не всегда учитывается его новаторский характер, что подчас ведёт к неправомерному смещению критических акцентов³³. Анисимов И. резко раскритиковал «Колокол», говоря о пессимизме романа

²⁹ Орлова Р. Д. «Звезда». 1964. №1. с. 206.

³⁰ Хемингуэй Э. Репортажи. М. 1969. с. 2.

³¹ Орлова Р. Д. «Звезда». 1964. №1. с. 206.

³² Орлова Р. Д. «Творчество Хемингуэя». с. 44.

³³ Лидский Ю.Я. «Творчество Хемингуэя». с. 292.

и недооценке автором «роли и значения народных масс в схватке с фашизмом». Дальше Анисимов И. писал о портящем роман намерении «поставить знак равенства между кровавыми преступлениями фашизма и той жестокостью, которую подчас проявляли, расправляясь с фашистами, защитники испанской республики». Выводом из сказанного явилось следующее: «По ком звонит колокол» – это несостоявшийся великий роман XX столетия»³⁴.

Авторы других работ на эту же тему значительно осторожнее в своих оценках. М. Мендельсон считает роман Хемингуэя книгой двойственной. Критик отметил привлекательные черты в образе Джордана. Однако Мендельсон М. нашёл в образе главного героя и уязвимое, в частности, мотив фатальной предрешённости не только в судьбе Джордана, но и того дела, во имя которого он отдаёт жизнь. Существенным недостатком романа исследователь считал то, что Хемингуэй «почти не коснулся той пагубной и по существу решающей роли, которую сыграли в трагических судьбах испанской республики западные державы, чья пресловутая политика «невмешательства была на деле потворством интервентам – Гитлеру и Муссолини»³⁵. Мендельсон М., взвесив достоинства и недостатки романа, пришёл к выводу, что это произведение явилось крупнейшим вкладом в американскую и мировую литературу³⁶.

Кашкин И. А., характеризуя «Колокол», подчеркивал, что роман «впитал в себя... горечь поражения»³⁷. Критик отметил также сложность и многоплановый характер произведения, противоречия в образе Джордана, важность темы оправданной и ненужной жестокости. Общий вывод его таков: «В «Колоколе» есть страницы, достойные Толстого, и страницы, которые ниже возможностей самого Хемингуэя. Но в целом это гуманистическая книга о людской солидарности, о больших этических проблемах, это книга антифашистская, книга, проникнутая горькой и терпкой любовью к Испании, и её народу. Книга, если не разрешившая сомнений

³⁴ Лидский Ю. Я. «Творчество Хемингуэя». с. 292.

³⁵ Мендельсон М. «Современная американская литература». М. 1947. с. 169.

³⁶ Лидский Ю. Я. «Творчество Хемингуэя». с. 293.

³⁷ Кашкин И. А. «Перечитывая Хемингуэя». Журнал «Иностранная литература». 1956. №4.

и противоречий автора, то, во всяком случае, во многом подытожившая их»³⁸.

Днепров В. отнес «Колокол» к числу «великих и прекраснейших произведений искусства XX века». Определяющим в романе, о какой бы его стороне ни шла речь, критик считал атмосферу народной революции. Отсюда, по его мнению, и реалистический оптимизм книги, и особенности мироощущения Джордана, и героика романа, сюжет которого отличается законченностью, но не замкнутостью³⁹.

Финкельштейн И. в подробном обзоре посвященной Хемингуэю советской критической литературы справедливо заметил, что между «Иметь и не иметь» и «Колоколом» существует глубокая внутренняя связь⁴⁰. Критик говорит о неправоте Кашкина И. А. в преувеличении пессимистического начала романа. Но соглашается с его точкой зрения, что «за короткий срок своего участия в «войне за достойную жизнь» Джордан проходит путь от пылкой восторженности, через утрату многих иллюзий, к сознанию своей обреченности и мужественному выполнению долга»⁴¹.

Засурский Я. отмечает, что Хемингуэй передал пафос народной борьбы, что образ Джордана явился высшим достижением писателя, уникальным в американской литературе воплощением подлинного героя XX века, что в смерти Джордана нет обреченности, а история его имеет характер оптимистической трагедии. В то же время критик нашёл, что роману не достаёт историзма, что рабочая среда выпала из поля зрения Хемингуэя, что противопоставление республиканцев и фашистов проводится автором подчас недостаточно глубоко⁴².

Симонов К., по словам Лидского Ю. Я., отметил боевой антифашистский характер романа, но подчеркнул, что в книге отразилась горечь поражения, что отношение Хемингуэя к коммунистам, как оно выражено в романе, было двойственным, что Джордан внутренне остался до конца индивидуалистом и идеалистом. Предъявляя серьёзные претензии к роману Симонов К. основывался на

³⁸ Кашкин И. А. «Хемингуэй на пути к мастерству». Вопросы литературы. 1957. №6.

³⁹ Лидский Ю. Я. «Творчество Хемингуэя». с. 294.

⁴⁰ Лидский Ю. Я. «Творчество Хемингуэя». с. 294.

⁴¹ Кашкин И. А. «Содержание – форма – содержание». Вопросы литературы. 1964. №1.

⁴² Лидский Ю. Я. «Творчество Хемингуэя». с. 294-295.

произвольной, не подкреплённой литературоведческим анализом трактовки некоторых эпизодов⁴³.

В статье Орловой Р. Д. о «Колоколе» отмечено, чем в большой мере определялись в годы создания и опубликования «Колокола» колебания зарубежных коммунистов и их попутчиков. Также Орлова Р. Д. совершенно справедливо заметила по поводу критических упреков в адрес Хемингуэя: «Роман «По ком звонит колокол» чаще, чем другие произведения писателя, упрекали и за то, что в нём есть, и за то, чего в нём нет... Нельзя «требовать от розы, чтобы она пахла фиалками» (Маркс)⁴⁴. Наконец, по мнению Орловой Р. Д., «Колокол» – это «книга не только про испанцев. Она и про американцев. И про кубинцев. Про условия существования человека в обществе в двадцатом столетии»⁴⁵.

Человек связан с обществом. По мнению Гиленсона Б. А. «эта гуманистическая мысль романа о причастности человека к судьбам других людей подчёркнута суровым и ёмким эпиграфом из Джона Донна: «Нет человека, который был бы как остров сам по себе»⁴⁶.

Эту мысль высказывает и Кашкин И. А., несколько дополняя её: «Колокол» заострён против изоляционизма. Ведь не только отдельный человек, но и государство, в том числе США, не «остров». Атмосферу книги определяло предательство западных демократий по отношению к Испании, компания изоляционизма в США, не обещавшая участия США в дальнейшей борьбе с фашизмом». И далее об эпиграфе И. А. Кашкин говорит так: «Эпиграфом для романа Хемингуэй взял слова английского поэта XVII века: «Нет человека, который был бы как остров, сам по себе: каждый человек есть часть Материка, часть Суши...».

Когда грянул тревожный набат на испанских колокольнях, Джордан, как и Хемингуэй, поспешил в Испанию. Когда изображение «Колокола свободы» появилось на знамени батальона Линкольна, Джордан, как Филипп Ролингс (герой пьесы «Пятая колонна»), сражался под этим знаменем; а когда прозвучал «Колокол» Хемингуэя по Джордану, – миллионы читателей отозвались на его судьбу. Это

⁴³ Лидский Ю. Я. «Творчество Хемингуэя». с. 295.

⁴⁴ Орлова Р. Д. «Звезда». 1964. №1. с. 206.

⁴⁵ Орлова Р. Д. «Звезда». 1964. №1. с. 206.

⁴⁶ Гиленсон Б. А. Американская литература 30-х годов XX века. с. 248.

связь одного со всеми, та общность человеческих судеб, устремлений, усилий, которая делает эту книгу глубоко гуманистичной»⁴⁷.

Лидский Ю. Я. подчеркивает, что «выбором эпиграфа Хемингуэй показывает, что «Колокол» как бы начинается с того, чем заканчивается предшествующий роман писателя («Иметь или не иметь»), где главный герой Гарри Морган делает решающий вывод: «Человек один не может». В поэтическом отрывке из Донна уже звучат ноты философского обобщения этой темы, а вместе, с торжественностью многозначительной аллегии, включающей элемент вечного, появляется и тема трагедии, столь характерная для событий, положенных в основу романа»⁴⁸. Так же критик говорит о торжественности языка в эпиграфе, которая важна для определения «тональности и всего идейно-стилистического строя романа». Эта торжественность несёт элемент высокой простоты, восходящей к далёкому прошлому языка. Далее говорится об употреблении архаичной формы «ты» в её различных видах, которая имеет большое значение в романе. «Она словно пронизывает всю ткань произведения и как бы выражает единение Джордана с другими героями». Она (архаическая форма «ты» (thou, thine, thee)) несёт и другую идейную нагрузку, передавая общую демократическую тенденцию»⁴⁹.

О взаимосвязи двух произведений Хемингуэя «Иметь и не иметь» и «Колокола» пишет в своей статье и Зверев А.. Истину, добытую Гарри Морганом, Джордан подтверждает своей жизнью. «Человек один не может» - уже эпиграфом... эта тема заявлена как важнейшая в произведении»⁵⁰, - отмечает критик. «Если читать «Колокол» в контексте всего творчества Хемингуэя, выраженная на языке Донна мысль получит особое значение: ведь путь героя – это пересмотр давней идеи нравственного стоицизма, как в конечном счете всегда одинокого противостояния насилию и злу, идеи причастности к истинам бытия, понятой как одинокое странствование по «территории быка». Какой перелом необходимо было пережить Джордану, узам кровного родства связанному с героями раннего Хемингуэя, чтобы пришла решимость «драться за всех обездоленных мира против всех угнетателей»⁵¹.

⁴⁷ Кашкин И. А. «Творчество Хемингуэя». с. 190.

⁴⁸ Лидский Ю. Я. Творчество Хемингуэя. с. 298.

⁴⁹ Лидский Ю. Я. Творчество Хемингуэя. с. 298.

⁵⁰ Зверев А. Американский роман 20-30-х годов. с. 207.

⁵¹ Зверев А. Американский роман 20-30-х годов. с. 209.

Мендельсон М., обобщая свои мысли о романе «По ком звонит колокол» говорит: «Призыв к пониманию общности интересов людей, выраженный в названии романа и в предпосланном ему эпиграфе («по ком бы ни звонил траурный колокол, он звонит и по тебе») и подтверждённый основными его образами, а также страстное утверждение необходимости дать отпор фашистам придадут книге Хемингуэя значение одного из ярких, значительных литературных памятников современного всемирного антифашистского движения»⁵².

Петрушкин А. И. в своей статье говорит о том, что «писатель проверяет и перепроверяет его (Джордана) представления, мысли, поступки взглядом с эпической дистанции и психологической соразмерностью, соотнесённостью со взглядами и поступками других персонажей. Это вполне понятно: ведь угол зрения задан в романе уже самим эпиграфом: «...Каждый человек есть часть Материка...», а перед автором стояла задача показать путь интеллигента, который так хорошо обозначит Поль Элюар, - «от горизонта одного – к горизонту всех»⁵³.

Итак, критики говоря о том, что эпиграф является отражением основной гуманистической идеи романа, что высокий стиль языка Эпиграфа влияет на весь строй романа и его язык, что система образов в романе подчинена мысли о сопричастности каждого судьбам всех людей; не идут дальше этого в своём разборе роли эпиграфа, если не считать работу Орловой Р. Д. «По ком звонит колокол», где говорится о роли эпиграфа и системе времён в романе. На основании этой работы и высказываний советских литературоведов, приведённых выше, в данной работе делается попытка соотнести содержание эпиграфа и романа, и понять роль и значение эпиграфа.

⁵² Мендельсон М. Мендельсон М. «Современная американская литература». М. 1947. с. 169.

⁵³ Петрушкин А. И. «В поисках идеала и героя. Творчество Э. Хемингуэя в 20-30 годы». Саратов. 1986. с. 135.

ГЛАВА II

Мы открываем роман «По ком звонит колокол». На первой странице читаем эпиграф.

«Нет человека, который был бы как остров, сам по себе; каждый человек есть часть Материка, часть Суши; и если волной снесёт в море береговой Утёс; меньше станет Европа и также, если смоем край мыса или разрушит замок твой или друга твоего: смерть каждого человека уменьшает и меня, ибо я един со всем человечеством, а потому, не спрашивай никогда по ком звонит колокол; он звонит и по тебе».

Хемингуэй выбрал именно эти строки, потому что любил стихи Джона Донна, английского поэта XVII века и ещё потому, что они настраивают нас на определённое восприятие того, что будет сказано в романе.

Строфы эпиграфа настраивают на философский лад и, как писала в своей статье Орлова Р.Д., говорят о том, что «это будет книга о жизни и смерти, о главных проблемах бытия»⁵⁴.

А значит, эпиграф нам даётся как ключ к пониманию романа. Строфы старого английского поэта, словно волны в океане мыслей и чувств будут биться в наше сознание: «нет человека, который был бы как остров сам по себе». Будут сопровождать нас погребальным звоном колокола. Возвращаться и смыслом, и воздействием на разум; человек связан с человечеством. «Твои поступки – это не просто твои поступки, они касаются и других. Ты живёшь не на острове, а на земле людей»⁵⁵. По словам советского литературоведа Эйхенбаума Б. «Эпиграф» есть выражение некоторой общей мысли, присутствующей в романе, но совсем не покрывающей и не объясняющей его. Это мысль автора, которую он предлагает читателю как некий моральный вывод, частично освещающий события романа, как афоризм, сжато формирующий одну из тем или проблем романа»⁵⁶.

В чём же она заключается?

В ответственности каждого за само течение Истории. В способности видеть свое конкретное дело в целостном сплаве всего движения цивилизации, оценивать его критериями общечеловеческой значимости. В верности своему нравственному чувству, своим

⁵⁴ Орлова Р. Д. «Звезда» 1964. №1. с. 207.

⁵⁵ Орлова Р. Д. «Творчество Хемингуэя». Новосибирск 1968. с. 5.

⁵⁶ Эйхенбаум Б. «Л. Толстой 70-е годы». с. 198-199.

убеждениям, итогам собственных духовных исканий, добытых муками разума. И в мужестве бороться, порой в одиночку, порой с наивной распахнутостью души, но упрямо и бескорыстно, за справедливость обретенной истины, что и движет вперед человека и человечество, так как он - его составная часть.

Всё это старо как мир. Но повторение обогащает справедливость и мудрость размышлений о глубинах бытия и вечных ценностях, добре и зле, пониманием, сколь многим может быть наполнена одна-единственная жизнь.

Хочется понять, как думы выливаются в гражданское мужество поступка, мужество позиции.

Что же превращает человека, такого далекого от политики, в борца за политические убеждения?

Что не даёт оставаться в стороне от конфликтов?

Традиционные для интеллигенции муки совести.

«Экономический кризис 1929-1933 годов до основания потряс капиталистическую экономику. Безудержная эксплуатация рабочих и разорение мелких фермеров в США вызвали мощную волну недовольства. Эти же годы характеризуются усилением фашизма, ставшего основным орудием мировой реакции в борьбе с демократическими и революционными тенденциями. Вопросы экономики, философии, политики тесно переплелись с вопросами этики, с вопросом о роли народа в историческом процессе и проблемой выбора, которая с особенной резкостью встала перед отдельной личностью, осознавшей яснее, чем когда-либо, свою причастность к происходящему и свой нравственный долг»⁵⁷.

«Революционно-освободительная война испанского народа убедила Хемингуэя, «что есть вещи и хуже войны. Трусость хуже, предательство хуже, эгоизм хуже». Он заявил это с трибуны Второго конгресса американских писателей в июне 1937 года, обращаясь к совести людей всего мира. До того он никогда не выступал публично – теперь он во всеуслышание заявил, что у фашизма не будет истории, кроме кровавой истории убийств»⁵⁸.

«Наивно было бы думать, что писатель, создавший в своё время роман «Прощай, оружие!», полюбил войну. Она всегда воспринималась им как великая трагедия, но Хемингуэй окончательно

⁵⁷ Лидский Ю. Я. Творчество Хемингуэя. М. 1978. с. 283.

⁵⁸ Финкельштейн И. «Хемингуэй-романист. Годы 20-30-е». Горький. 1974. с. 130-131.

расстался с идеей «сепаратного мира» и глубоко осознал необходимость непосредственной боевой деятельности в борьбе с фашизмом. Новая гражданская позиция писателя выразилась и в признании того, что бывают условия, в которых эстетическое должно быть подчинено жизненно важной цели, в частности агитации и пропаганде, осуществлению консолидации антифашистских сил.

Естественно, политика всё сильнее и сильнее отражается в произведениях писателя, определяет не только его литературную работу. Хемингуэй занимается сбором средств, покупает для республиканской армии санитарные машины, посещает раненых в госпиталях. Корреспондент крупного американского телеграфного агентства, он в своих репортажах рассказывает читателям правду о борьбе испанского народа. Это имело особое значение для США, где правые силы были в то время очень активны»⁵⁹.

Совість побуждает каждого из нас быть отзывчивым к чужой боли, к готовности принять на себя общую совиновность, к вере, что твоё малое участие может стать началом больших изменений в судьбах отдельных людей целых народов и всего мира.

Хемингуэй собственной жизнью подтверждает справедливость мысли высказанной в эпиграфе. Писатель жил по старинному английскому принципу: только настоящий джентльмен берётся за безнадежное дело. Но, тем не менее, дела, за которые он брался, не оказывались безнадежными.

Это подтверждается тем, что и сейчас миллионы сердец бьются в унисон с сердцем Роберта Джордана, и в наших сердцах не смолкает звон колокола, зывающего к совести.

Эпиграф – выражение идеи романа. Но Л. Н. Толстой говорил: «... Ни одна отдельная мысль не может выразить всего смысла художественного произведения, этого «бесконечного лабиринта сцеплений».

В письме к Страхову Толстой пишет: «... каждая мысль, выраженная словами особо, теряет свой смысл, страшно понижается, когда берётся одна из того сцепления, в котором она находится. Само же сцепление составлено не мыслью, а чем-то другим, и выразить основу этого сцепления непосредственно словами никак нельзя, а можно только опосредованно – словами описывая образы, действия, положения»⁶⁰.

⁵⁹ Лидский Ю. Я. Творчество Хемингуэя. М. 1978. с. 272.

⁶⁰ Эйхенбаум Б. «Л. Толстой 70-е годы». Л. 1960. с. 198.

Значит, надо выяснить соотношение эпиграфа и романа.

«Я прибыл сюда, добровольно и отдаю, если потребуется, всю свою кровь до последней капли для спасения свободы в Испании и свободы во всем мире», - такую присягу приносил каждый интербригадовец. Именно фашизм с его зоологическим расизмом породил как противодействие, этот гордый вызов людей, объединённых узами братства, узами более высокими, чем национальные, потому что свободно избранными, избранными по зову сердца. Хемингуэй ощутил это в Испании и сам. Его друзьями всегда были люди из разных стран, разных национальностей; здесь ими стали голландец Ивенс, немецкий еврей Хейльбрун, венгр, живший в России, Матэ Залка.

«В романе «По ком звонит колокол» не показаны непосредственно Интернациональные бригады, но вся книга пропитана тем духом, который породил это движение. Недаром самый высокий ключ возникает в монологах Роберта Джордана («Это был Крестовый поход») именно тогда, когда он вспоминает улицу Веласкес 63, штаб Интербригад. Американец в романе сражается за свободу Испании»⁶¹.

Напали не на Роберта Джордана, не на его страну. Несправедливость совершена где-то далеко. Но это всё равно: когда кому-то плохо в мире, плохо и тебе. Никогда не спрашивай, по ком звонит колокол.

К делу республики Роберта Джордана привели убеждения, совесть.

В мае 1937 года американец Роберт Джордан, выполняя приказ командования республиканской армии Испании, перешёл линию фронта, чтобы с помощью партизан взорвать мост в тылу у фашистов. Он провёл в партизанском отряде трое суток, погиб, выполняя приказ.

Так можно передать содержание романа в двух фразах.

В США была опубликована статья Сесилиа Иби «Подлинный Роберт Джордан». По мнению автора статьи, наиболее вероятный прототип героя – американец Роберт Мерримен. О нём писал Хемингуэй в своих корреспонденциях из Испании («Нью Рипаблик» 12 января и 27 апреля 1938 г.). В это же время о Мерримене писала и Марта Гелхорн, которая тогда была женою Хемингуэя. Мерримен был преподавателем Калифорнийского университета (экономистом по

⁶¹ Орлова Р. Д. «Творчество Хемингуэя». Новосибирск 1968. с. 38.

специальности), а на войне, – начальником штаба 15-й Интербригады. Он был ранен шесть раз и, видимо, погиб во время боёв на Эбро.

Революция смяла человеческие жизни, перевернула их, каждый из партизан принёс с собой в отряд своё прошлое, уже сложившуюся судьбу, характер, а здесь в общем котле всё переваривается, каждый сохраняя своё, приобретает и новое, изменяется: появляется и нечто, всех роднящее.

Вне народного мира нет и этого романа. Это тоже материк, с которым связан каждый человек.

Народ в романе – мир личностей, ярких, противоречивых, неожиданных.

Первое слово, сказанное о Пилар, – «ведьма», «настоящая ведьма». Впрочем, для Хемингуэя ведьма – вовсе не ругательство. Когда раздаётся голос самой Пилар, звучит забористая брань. А лишь затем «Роберт Джордан увидел женщину лет пятидесяти, почти одного роста с Пабло, почти квадратную, в черной крестьянской юбке и кофте, с толстыми ногами в толстых шерстяных чулках, в чёрных сандалиях на верёвочной подошве, со смуглым лицом, которое могло бы служить моделью для гранитного памятника». Уже в описании внешности – и обыденность, приземлённость и монументальность. Гранит – это быть может, главное слово. Пилар – скала, утёс, опора того малого мира, в который входит Роберт Джордан.

Первые её слова, обращённые к Джордану, «ну, как твои дела, и как дела Республики?». Прямолинейность фразы не означает душевной примитивности. Пилар мыслит определённо, она стремится без околичностей выяснить главное. Республика – поздняя и самая большая любовь этой много любившей женщины. Когда она упустила Пабло, который сбежал и унёс взрывчатку, она горько говорит Джордану: «Подвела тебя и подвела Республику».

Она повариха отряда, её мир земной и трезвый. Но она ещё и гадалка, она соприкасается с миром непостижимого, таинственного, с миром чёрной магии. Она цыганка, унаследовавшая неутолимую жажду свободы, она ждёт свободы от Республики. И она испанка, привыкшая повиноваться своему мужчине, а её мужчина, Пабло, – теперь он теряет мужество, лихость, всё то, за что она полюбила его, пошла за ним. И всё-таки, он – её мужчина, и вероятно, последний.

Она часто видела смерть, она была любовницей матадоров, она бесстрашна и жестока, её сердце огрубело, как натруженные руки, но под этой бронёй осталась и женская незащищённость,

и человеческая совестливость, не дающая равнодушно пройти мимо чужой боли.

В разговоре с Пилар Хоакин говорит: «... Я знаю, теперь у всех много горя, и лучше не говорить об этом. – Надо говорить, – сказала Пилар. – Зачем же мы живём на свете, если не для того, чтобы помогать друг другу...»⁶².

И это не просто слова участия. Пилар добрым словом помогает Хоакину, так как больше ничем ему помочь не может. Но там, где от неё требуется деятельная помощь, она помогает и делами.

Джордану без её участия не взорвать мост. От её решающего слова зависит многое.

«– Я – за мост! – Отсветы огня падали на её лицо, и оно зарумянилось и потеплело, стало смуглое и красивое, – такое, каким ему и следовало быть...

– Я за мост и против тебя, – сказала жена Пабло. – Только и всего.

– Я тоже за мост, – сказал плосколицый...

– Мне до моста дела нет, – сказал один из братьев. – Я за tujeг

Пабло.

– И я тоже, – сказал другой брат.

– И я тоже, – сказал цыган»⁶³.

Люди из отряда Пабло идут за Пилар, зная, что она не бросит их в трудную минуту, и не поведёт их в бой за неправоё дело, после которого останется осадок в душе, как после расправы с фашистами в небольшом городке, о которой сама Пилар вспоминает так: «...было не по себе, внутри сосало, было стыдно и казалось, что мы сделали что-то нехорошее...»⁶⁴.

Пабло спрашивал её, после устроенной им резни на площади:

– Понравилось тебе, Пилар?

– Нет, – сказала она. – Не понравилось... Если хочешь знать, всё, что там творилось, в Ayuntamiento, просто гнусность!⁶⁵

Пилар, рассказывая об этом Роберту Джордану, обращает его внимание на одну деталь. Пабло после всего этого «спал всю ночь как младенец, ... а я так и не могла уснуть». В ту ночь в душе Пилар звонил и звонил, не давая ей уснуть, колокол её совести, который не умолкает

⁶² Хемингуэй Э. «По ком звонит колокол». Ташкент. 1989. с. 335.

⁶³ Хемингуэй Э. «По ком звонит колокол». Ташкент. 1989. с. 264.

⁶⁴ Хемингуэй Э. «По ком звонит колокол». Ташкент. 1989. с. 325.

⁶⁵ Хемингуэй Э. «По ком звонит колокол». Ташкент. 1989. с. 325-326.

и сейчас, не давал ей забыть то, что произошло на площади в небольшом городке.

Пабло спал спокойно, в храме его души кружили только вороны, а их полёт беззвучен. Почему замолчал колокол его совести? Ведь раньше Пабло «был настоящим человеком». Об этом говорят Пилар, Ансельмо и все люди в его отряде.

К тому времени, когда Джордан пришёл в отряд, Пабло уже стали безразличны и республика и франкисты. Он хочет спокойно жить, вдоволь есть, ежедневно пьянствовать, его интересует только собственное благополучие. «Динамит мне пригодится», – говорит он при первой же встрече Джордану. Пабло – опасный противник. Он трезв и практичен, жесток и умён, он способен на всё. Он умеет сдерживаться, даже сносить оскорбления. Он – единственный в отряде, кто предвидит последствия взрыва, предвидит именно потому, что не может так безоговорочно верить, как Пилар.

«– Я за Республику, – радостно сказала жена Пабло; А мост – это для Республики. Другими делами можно заниматься после моста.

– И тебе все равно, если на нас станут охотиться, как на диких зверей, после этой затеи, которая не сулит нам никакой выгоды? А если погибнем, тебе тоже все равно?»⁶⁶

Образ Пабло диалектичен, объёмен – жестокий Пабло больше, чем все хорошие люди, думает о том, что будет с партизанами после взрыва.

«... – Я за то, что пойдет на пользу нам всем, я за нашу безопасность.

– Безопасность! – сказала жена Пабло.

– Где она есть, твоя безопасность? Сейчас столько народу её здесь ищет, что это уже само по себе опасно. Тот, кто ищет безопасность, теряет все.»⁶⁷

Да, Пабло потерял доверие Пилар, Джордана, Эль Сордо, Ансельмо и всего отряда.

«– Твоя лисья нора для тебя, важнее, чем нужды всех людей. Важнее, чем нужды твоего народа, – говорит ему Ансельмо.

– Ничего не затевать правило лисицы». Для Джордана долг в том, чтобы, взорвав мост, выполнить приказ штаба, от удачного выполнения которого зависит исход наступления, зависят судьбы многих людей.

⁶⁶ Хемингуэй Э. «По ком звонит колокол». Ташкент. 1989. с. 285.

⁶⁷ Хемингуэй Э. «По ком звонит колокол». Ташкент. 1989. с. 266.

Для Пабло «долг в том, чтобы заботиться о своих и о себе». Не случайно «печаль, которая слышалась в его (Пабло) голосе, заставила насторожиться Роберта Джордана. Он знал эту печаль. Так печален бывает тот, кто завтра станет предателем.

И если Пилар – воплощение надёжности, то Пабло дважды изменяет на протяжении романа. Взрыву он противился с самого начала: «Я не стану связываться с твоим мостом», «Никаких мостов ты здесь взрывать не будешь». Потом он уходит сам и забирает с собой взрывчатку, выбрасывает её в реку. Он пытается действовать, исходя из принципа «человек-остров». Но чувствует себя таким одиноким, что возвращается в отряд. В сущности, он повторяет слова героя романа «Иметь и не иметь» Гарри Моргана – «Человек один не может» – и тоже приходит к этому выводу, но только поздно, очень поздно.

«Нехорошо быть одному, Вчера я весь день ездил один, и мне не было тягостно, потому что я трудился ради общего блага. Но вчерашний вечер! Боже мой! Как плохо я его провёл!»⁶⁸

Этот циник последним начинает верить в Джордана. Развитие характера неожиданным. Именно он по существу спасает положение, без него могла бы сорваться вся операция, без приведённых им людей и лошадей. Но он до конца остается самим собой, ведь «лишние выстрелы», которые слышал удивлённый Джордан (когда фашисты уже не могли больше стрелять), означали, что Пабло убил тех новых бойцов, которых привёл, убил, чтобы завладеть их лошадьми. Но Пабло способен и на угрызания совести за те бессмысленные и жестокие убийства, в которых он же сам и повинен.

«Если бы повсюду расправились с фашистами, как я расправился, война бы у нас не началась. Но я бы хотел, чтобы всё это было бы сделано по-другому.

– Почему ты так говоришь? – спросил его Примитиво. – Разве ты теперь иначе смотришь на политику?

– Нет. Но там было много зверства, – сказал Пабло. – В те дни я был злой, как зверь. ...

– А сейчас ты пьяный, – сказала Пилар.

– Я пьян от вина, и у меня было бы хорошо на душе, если б не люди, которых я убил. Мне горько о них думать.»⁶⁹

Пабло испанец до мозга костей, он гордится Испанией, он горестно сетует на то, что «испанский священник должен был умереть,

⁶⁸ Хемингуэй Э. «По ком звонит колокол». Ташкент. 1989. с. 538.

⁶⁹ Хемингуэй Э. «По ком звонит колокол». Ташкент. 1989. с. 394.

как следует», где-то в глубине и у него скрыта частичка испанского рыцарства. Нет, не случайно пошла за ним такая женщина, как Пилар.

«Был ведь настоящий человек», – говорит о нём Пилар. Но Пабло воспринял освободительную войну, прежде всего под лозунгом «всё дозволено». Для него революция есть разгул разрушительных инстинктов. «Пабло убил столько народу! Больше чем холера». Именно народу, а не фашистов и не врагов, так как не все из них были настоящими врагами. Но война – время охоты на чудовищ, порождает новых чудовищ. Об этом говорит и Эль Сордо: «В этой войне много плохих, мало хороших. С каждым днём меньше хороших»⁷⁰.

Старик Ансельмо очень добрый человек, истинный христианин, для него революция – это, прежде всего, торжество добра. Он служит Республике верой и правдой, но ему отвратительно ремесло солдата. «Я не люблю убивать: убийство грех, за него мы все будем в ответе. Не все наши противники убеждённые фашисты. Они такие же крестьяне, как и мы».

Вот что говорит он Роберту Джордану:

«– Я против того, чтобы убивать людей!

– Но ты убивал.

– Да. И буду убивать. Но потом постараюсь жить тихо, никому не делая зла, и это мне простится.

– Кем простится?

– Не знаю. Теперь ведь у нас бога нет... Так кто же должен прощать? Не знаю.

– А бога нет?

– Нет. Если б он был, разве он допустил то, что я видел своими глазами? Пусть уж у них будет бог.

– Они и говорят, что он с ними.

– Понятно, мне его недостает, потому что я с детства привык верить. Но теперь человек перед самим собой должен быть в ответе.

– Значит, ты сам себе и убийство простишь?

– Должно быть...»⁷¹

Держать ответ перед самим собой – это значит держать ответ перед своей совестью. На протяжении всей жизни на земле многих поколений людей складывался нравственный закон, закон, приступив который, человек теряет связь с человечеством. Этого могут не

⁷⁰ Хемингуэй Э. «По ком звонит колокол». Ташкент. 1989. с. 341.

⁷¹ Хемингуэй Э. «По ком звонит колокол». Ташкент. 1989. с. 255.

заметить люди, живущие рядом с тобой. Но сам ты будешь знать об этом. Об этом даст знать тебе твоя совесть, колокол, который или зазвонит в твоей душе или смолкнет навсегда.

Когда предстоит бой за мост, Ансельмо боится не своей собственной, почти неизбежной гибели, а необходимости стрелять в часового. Он думает о каких-то формах гражданского покаяния за пролитую кровь. Об этом же думает и Пилар.

От Ансельмо прямой путь к рыбаку Сантьяго, герою повести «Старик и море».

Ансельмо так же надёжен, как Пилар. И вполне естественна радость Джордана, когда он находит Ансельмо на месте, на боевом посту, – если несмотря на снег, на холод, на усталость, – один фланг держится, значит ещё не всё потеряно.

Только когда Ансельмо уже мёртв, Роберт Джордан видит какой он маленький, сухонький, и старый – ему 68 лет.

«Неиссякаемо разнообразны лица в отряде, этом слепке, модели человеческого общества XX века»⁷²– пишет Р. Д. Орлова.

Фернандо – обжора и вежливый бюрократ. Неумный, надутый, зануда, он словно картонный. Любую фразу обволакивает бесчисленными придаточными. О его манере говорить Пилар отзывается так: «Матерь божья! Вот язык у человека. Даже здесь умудрился бюрократизм развести!»⁷³.

Фернандо, обращаясь к Джордану, называет его «Дон Роберто», он хочет, чтобы все друг к другу так обращались, чтобы все были вежливы. Для него революция – это, прежде всего, порядок, регламент слов и отношений.

При взрыве моста Фернандо смертельно ранен. Он просит товарищей оставить его: он всё равно обречён, а они ещё успеют спастись.

«– Оставьте меня здесь, – сказал Фернандо. – О том, чтобы мне ехать с этой штукой, и думать нечего. Вот и лошадь лишняя будет. А мне тут очень хорошо. Они теперь уже скоро придут.»⁷⁴

Об Агустине Ансельмо с самого начала говорит – «хорош».

–Агустин хороший человек, – сказал Ансельмо. – Он сквернослов и балагур, но человек он дельный.

– Ты его хорошо знаешь? (Джордан)

⁷² Орлова Р. Д. Творчество Хемингуэя. Новосибирск. 1968. с. 15.

⁷³ Хемингуэй Э. «По ком звонит колокол». Ташкент. 1989. с. 578.

⁷⁴ Хемингуэй Э. «По ком звонит колокол». Ташкент. 1989. с. 578.

– Да. Я его знаю давно. Я ему очень верю.»⁷⁵

В устах Ансельмо такая характеристика дорогого стоит.

Агустин жесток. Самые разнообразные чувства, порою весьма сложные и противоречивые, выражает бранью.

Как пишет Р.Д. Орлова: «Ругательства, есть прежде всего, форма защиты от риторики, форма снижения накала чувств, – современный эпос не может быть выдержан целиком в высоком ключе строф Джона Донна»⁷⁶.

Да, Агустин не может, конечно, изъясняться в высоком стиле, но он умеет понять другого человека и говорит об этом просто и открыто.

«– Но за других мне бывает тяжело.

– Это как всем добрым людям, – отвечает ему Джордан.»⁷⁷

Партизаны – разные люди, их объединяет преданность Республике. Общим паролем, выражением только обретенного смысла жизни становятся слова «благо Республики»⁷⁸. А это значит – «благо народа». Каждый из них – часть этого народа. И вновь мы слышим слова Джона Донна: «каждый человек есть часть материка»...

Партизаны видят в революции разное. Ищут в революции разное. Они сражаются за Республику каждый по-своему. Но в решающие моменты происходит преобразование. При взрыве моста, так же как и при обороне холма совершается таинственный скачок, чудо, и разные, разьединённые, шероховатые существа становятся единым, - революционным народом.

...Народ в изображении Хемингуэя отнюдь не богоносец. Принадлежность к угнетённым классам не служит гарантией ни от глупости, ни от подлости.

Роберт Джордан не принадлежит к испанскому народу. Он преподаватель колледжа, литератор, американец. Мятеж не коснулся его лично, напали даже не на его страну. К делу Республики его привели убеждения, совесть, он приходит к революционной борьбе испанского народа с «небес поэзии».

«Джордан много, напряжённо, мучительно думает. Ищет истину, ищет, как достойно жить человеку в ходе революционной борьбы. У Джордана душевная потребность, неустанная способность –

⁷⁵ Хемингуэй Э. «По ком звонит колокол». Ташкент. 1989. с. 259.

⁷⁶ Орлова Р. Д. Творчество Хемингуэя. Новосибирск. 1968. с. 21.

⁷⁷ Хемингуэй Э. «По ком звонит колокол». Ташкент. 1989. с. 457.

⁷⁸ Орлова Р. Д. Творчество Хемингуэя. Новосибирск. 1968. с. 21.

колебаться, сомневаться, искать, не застывая самодовольно на однажды найденном решении, чтобы найти истину»⁷⁹.

Джордан до войны написал одну книгу об Испании, обладающую, по мнению советского журналиста Каркова, редким достоинством – абсолютной правдивостью. Он мечтал и о другой книге. «Он напишет ещё книгу. Только о том, что он знает, правдиво и о том, что знает».

Чтобы написать эту новую книгу, надо было, прежде всего, ощутить борьбу народа Испании, как свое собственное личное дело. Так оно и произошло. «...Ты чувствовал себя участником крестового похода. ...Ты сделал то, что нужно было сделать, и ты знаешь, что ты прав. Ты узнал сушащее рот, страхом очищенное опьянение боя, лето и осень ты дрался за всех обездоленных мира против всех угнетателей, за всё то, во что ты веришь и за новый мир, который раскрыли перед тобой»⁸⁰.

В творчество Хемингуэя приходят высокие слова, те самые слова, которые он гнал в романе «Прощай, оружие!», как потерявшие цену. А теперь обеспеченные золотым запасом истины и мужества эти слова, возрождаясь, заменяли иносказание и умолчание, появилась высокая библейская лексика и патетика, и торжественно религиозная интонация.

Действие романа разворачивается в нескольких временах: в настоящем («он лежал на земле...»), в прошедшем – «он здесь был в 1933 году», и в недавнем прошлом – «позавчера в штабе армии он получил приказ от генерала Гольца». Есть и четвёртое измерение – будущее, условное будущее.

И ещё есть начатая в эпиграфе, вневременная, вечная категория. «Каждый человек есть часть материка...» – вчера, сегодня, завтра – всегда.

Человек – не остров – ни в пространстве, ни во времени: до тебя жили люди, после тебя будут жить люди. Ты звено в бесконечной цепи.

Прошлое органично вросло в настоящее. Дед Джордана – герой войны Севера и Юга определил важные черты в нравственном облике внука. Он, белый американец, сражался за судьбу негров. Его внук сражается за свободу другого народа. Недаром в конце романа Роберт так часто обращается к деду, просит его совета, пытается

⁷⁹ Орлова Р. Д. Творчество Хемингуэя. Новосибирск. 1968. с. 21.

⁸⁰ Хемингуэй Э. «По ком звонит колокол». Ташкент. 1989. с. 414.

представить себе, как поступил бы дед на его месте, «смотрится» в деда.

Отец Роберта кончил жизнь самоубийством. Память об этом осталась возвращающимся чувством внезапной пустоты, тоскливым предчувствием небытия. Эта память преследует Роберта даже в самые счастливые его минуты. От этого ещё и стыд и страх поступить так же, как отец, боязнь эгоцентризма («надо быть очень занятым самим собой, чтобы сделать такую вещь», думает он об отце, уже твёрдо зная о неминуемости своей смерти).

Прошлое нельзя отбросить, забыть, оно было и есть, оно врывается в настоящее и в будущее; но прошлое – можно, если надо – преодолеть, ему можно противостоять.

«Переплетение времён в романе, прошлое и будущее сообщают книге историчность, дополнительное, плавное дыхание»⁸¹, – пишет Орлова Р. Д.. И далее «в напряжённо лирический роман входят черты эпоса, непременно предполагающие протяжённость, связь судьбы человеческой с судьбой народной»⁸², связь острова и материка.

Когда человек отдаётся какому-либо делу целиком, ему свойственно считать это дело главным и для всех других людей. Такие представления, разумеется, могут не соответствовать истине (партизаны Пабло считали взрыв поезда главным, Джордан относился к этому иронически), – однако и в этом случае может подкупить, увлечь, заразить сама увлечённость. Но если дело могло быть действительно решающим, определяющим, если и правда «этот мост может оказаться стержнем, вокруг которого повернётся судьба человечества», тогда изображение дела в его истинной пропорции даёт возможность писателю создать произведение, в котором характеры и поступки выходят далеко за пределы данного, конкретно-описанного события.

В истории трудно оперировать категорией «если бы...».

Но ведь если бы в той генеральной репетиции в Испании фашисты потерпели поражение, если бы не был взорван единый фронт, не было бы трагикомедии невмешательства, если бы все сражались как Джордан и Эль Сордо, – то могло и не быть ни падения Парижа, ни бомбёжек Ковентри, ни Лидице, ни свастики над Киевом... Потому мысли Роберта Джордана: «...если мы победим

⁸¹ Орлова Р. Д. Творчество Хемингуэя. Новосибирск. 1968. с. 40.

⁸² Орлова Р. Д. Творчество Хемингуэя. Новосибирск. 1968. с. 40.

здесь, мы победим везде...» наполнены глубоким, историческим содержанием.

Борьба этого партизанского отряда значительна сама по себе. Но она и связана с большой войной, с другими участниками фронта, со штабами, она, эта борьба выходит за пределы Испании.

Разве не так ощущали, рассуждали защитники Бреста, солдаты, попавшие в окружение под Ельней, те, для кого за Волгой не было земли? Разве каждый из них не твердил: «Если мы победим здесь, мы победим везде».

«Хемингуэй писал роман, когда испанская республика потерпела поражение, когда фашисты победно шагали по Европе. Это обстоятельство наложило горестный отпечаток на тональность всей книги. Горестный, но отнюдь не безнадёжный. Автор поведением героев утверждал необходимость сражаться на своём участке до конца»⁸³. Считать свою пулёмётную точку центром мировой схватки с фашизмом, «поворотным пунктом в истории человечества». Не случайно в мысленном разговоре с самим собой Роберт Джордан говорит:

«Сегодня – только один из многих, многих дней, которые ещё впереди. Но, может быть, все эти будущие дни зависят от того, что ты сделаешь сегодня. Так было весь этот год. Так было уже много раз. Вся эта война такая»⁸⁴.

На войне, на всякой войне, человек - средство. Основа сюжета в романе «По ком звонит колокол» - взрыв моста, чтобы обеспечить общую атаку: то есть, люди, взрывающие мост есть средство для достижения цели, находящейся вне их.

Но внутри партизанского мира – новый круг сюжета; отряд Эль Сордо гибнет, но партизаны Пабло не могут прийти на помощь. Это и бесполезно, так как фашисты неизмеримо превосходят численно; этого нельзя себе позволить и потому, что тогда мост не будет взорван. То есть люди отряда Эль Сордо служат средством для достижения цели, находящейся вне их. «...Ты борешься как раз против того, что ты делаешь, что тебе приходится делать ради одной лишь возможности победы... Вот и теперь ты должен использовать этих симпатичных тебе людей так, как используют в интересах дела солдат, к которым не испытывают никаких чувств», – мучительно размышляет Джордан.

⁸³ Орлова Р. Д. Творчество Хемингуэя. Новосибирск. 1968. с. 26.

⁸⁴ Хемингуэй Э. «По ком звонит колокол». Ташкент. 1989. с. 571.

Страшно было не помочь Эль Сордо, гораздо страшнее, чем помочь. Быть совсем рядом, слышать выстрелы, понимать всё, что там происходит. И то, как затихают выстрелы, и последний... Словно там, на холме, который безнадежно оборонял Эль Сордо, каждый фашистский выстрел попадал и в Джордана, и в Пилар, и в Ансельмо – во всех участников этого трагически вынужденного невмешательства.

Страшно человеку быть средством. Сам Джордан заставляет и себя считать нулём, винтиком («И ты ничто, и старик ничто, вы только орудия, которые должны делать своё дело»). Такова военная дисциплина, таков революционный долг, – что ты солдат, что этот...

Партизанский отряд в меньшей степени нивелирует личность, не случайно именно партизанские войны выдвинули так много ярких личностей, – от Чапаева до Че Гевары.

Но трагичная и универсальная проблема общего и личного, цели и средств настаивает героев и в партизанском отряде.

Если человек есть средство, тогда для достижения цели дозволено всё, в том числе и физическое уничтожение человека.

В романе «По ком звонит колокол» проблема насилия, права на насилие одна из центральных, она возникает уже на первых страницах.

Ансельмо говорит: «Я не люблю убивать людей.

– Этого никто не любит, разве те, у кого в голове не ладно, – сказал Джордан. – Но я не против, когда это необходимо. Когда это ради общего дела»⁸⁵.

Реакции Джордана на врага мгновенны, он ни секунды не задумывался стрелять в конного фашиста, тот выстрел необходим, оправдан. Но выстрелить в Пабло, когда об этом говорят все в один голос и даже Пилар, Роберт Джордан не может, хотя сознаёт, что Пабло – помеха общему делу, что он может предать. Пабло опасен, но он не враг.

– Убей его сейчас, – настаивал цыган.

– Это будет убийство из-за угла.

– Тем лучше, – сказал цыган совсем тихо. – Риску меньше. Ну? Убей его.

– Я так не могу. Это плохо, а тем, кто борется за наше дело, подлость не к лицу».⁸⁶

⁸⁵ Хемингуэй Э. «По ком звонит колокол». Ташкент. 1989. с. 253.

⁸⁶ Хемингуэй Э. «По ком звонит колокол». Ташкент. 1989. с. 271.

Роберт Джордан поступает по нравственным законам, слушается внутреннего голоса.

«Сколько же ты всего убил за это время? Не знаю. А ты считаешь, что ты вправе убивать? Нет. Но я должен». Это уже и не внутренний монолог. Это скорее внутренний диалог, разговор, спор Джордана со своим вторым «я», со своей совестью. Сталкиваются разные голоса, порою противоположные убеждения, оттенки мыслей и чувств, сталкиваются в одной душе, в одной голове. Так запечатлены и сомнения, порою разъедающие. Так Джордан ищет истину. «Сколько из тех, кого ты убил, были настоящие фашисты? Очень немногие. Но они все неприятельские солдаты, а мы противопоставляем силе силу... Ведь ты знаешь, что убивать нехорошо? Да. И делаешь это? Да».

Колокол совести звонит в душе Джордана, не давая ему успокоиться, заставляя думать, искать истину, ведь «смерть каждого человека умалет и меня, ибо я един со всем человечеством...».

Глубоко укоренившемуся в нормальной душе и сознании отвращению к насилию противостоит необходимость уничтожить насильников. Простейшей и священной заповеди «не убий» противоречит невозможность соблюдать эту заповедь в мире войн и фашизма. И поэтому Джордан вынужден сам сурово обрывать свои сомнения: «Я должен следить за тем, чтобы у тебя в голове всё было ясно. Потому что если у тебя не все ясно в голове, ты не имеешь права делать то, что ты делаешь, так как то, что ты делаешь, есть преступление и никому не дано право отнимать у другого человека жизнь, если только это не делается ради того, чтобы помешать ещё большему злу»⁸⁷.

Роберт Джордан вновь и вновь возвращается к этому кругу мыслей, в ночь перед самым взрывом, вспоминая рассказ Пилар, он горестно говорит себе: «Я знаю, что и мы делали страшные вещи, но это было потому, что мы были тёмные, необразованные люди и не умели иначе».⁸⁸ Горе и срам республики для него – личное горе и срам; не «они», а «мы», остров соединяется материком.

Крестьянин Ансельмо думает о том же. «Если у нас не будет религии после войны, тогда, наверно, придумают какое-нибудь гражданское покаяние, чтобы все могли очиститься от стольких убийств, а если нет, тогда у нас не будет хорошей, доброй основы

⁸⁷ Орлова Р. Д. Творчество Хемингуэя. Новосибирск. 1968. с. 32.

⁸⁸ Хемингуэй Э. «По ком звонит колокол». Ташкент. 1989. с. 262.

жизни». Ансельмо думает: «Лучше бы нам никого не расстреливать, даже самых главных».

Так почти всем хотелось бы. Пока ещё так не было в истории. И может ли быть?

«Но в этих наивных утопических мечтах – воплощение того будущего, за которое люди хотят бороться, за которое согласны отдать жизнь»⁸⁹.

И ведь Ансельмо охраняет здесь, прежде всего, не вражеские жизни, он охраняет своих товарищей, это их он хочет спасти и от участия в казнях и даже от зрелища казней, всегда растлевающего.

Проблема цели и средств, проблема насилия, разумеется, не новая. Она возникла, если и не с первых на земле убийством, то с первым пробуждением совести, когда в чей-то душе первый раз зазвонил колокол.

«Хемингуэй эти проблемы, конечно, не разрешил, как не разрешил их и Достоевский. Впрочем, это не дело писателя, - разрешать проблемы⁹⁰». Писатель проблемы только ставит, а решить их должен для себя каждый.

Хемингуэй выполняет дело писателя, воплощая в слове часть нравственного опыта человечества. Этот опыт говорит: когда унижают, мучают, убивают одного человека, – эти унижения, муки, убийства касаются и меня, «ибо я един со всем человечеством».

«Роман Хемингуэя, – истинно великое творение искусства и потому что судьбы героев представлены так, что и в сердцах читателей отдаётся звон колокола, возвещающего радость и горе, победы и поражения, рождение и смерть»⁹¹.

Человек связан с другими людьми и, стало быть, есть необходимость, обусловленная обстоятельствами, – подчинять одну жизнь другим. Роберт Джордан уже зная, что через несколько минут он погибнет, говорит сам себе: «Ты ничего уже не можешь сделать для себя, но, может быть, ты сможешь что-нибудь сделать для других...»⁹².

⁸⁹ Орлова Р. Д. Творчество Хемингуэя. Новосибирск. 1968. с. 32.

⁹⁰ Орлова Р. Д. Творчество Хемингуэя. Новосибирск. 1968. с. 34.

⁹¹ Орлова Р. Творчество Хемингуэя. Новосибирск. 1968. с. 34.

⁹² Хемингуэй Э. «По ком звонит колокол». Ташкент. 1989. с. 601.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Лучшие писатели мира с большими или меньшими трудностями приходили к выводу, что противостоять мировому злу в одиночку не только невозможно, но и преступно. «В этом плане внутренняя связь «Иметь и не иметь» и «Колокола» представляется несомненной, а сдвиг, происшедший в творчестве Хемингуэя от одного романа к другому, – исторически закономерным», – замечает Лидский.

Как видно, наступление фашизма было одной из коренных причин, побудившей писателей запада занять активную позицию. Начало гражданской войны в Испании особенно способствовало развитию антифашистской тенденции в литературе, привело к заострению социально-политической проблематики в творчестве многих писателей. Испанские события нашли широкий отклик в произведениях писателей Германии, Франции, Англии, США. Эти произведения отмечают высокое чувство интернационального долга, усиление героического начала и агитационный пафос. Мастера литературы понимали, что время не терпит, что мир должен немедленно узнать правду о происходящем. На фактическом материале они показывали суть событий, обличали фашизм и прославляли мужество революционного народа.

Испанские события способствовали творческому росту не одного писателя, а испанская тема нашла отражение также и в ряде интересных романов и повестей. В период с 1936 по 1939 год внимание всего мира было приковано к Испании, и нет ничего удивительного в том, что Хемингуэй обратился именно к этой теме.

Хемингуэй писал свой роман, когда республика только что потерпела поражение, а фашизм одержал победу. Писатель понимал, что в самое близкое время «Колокол» прозвонит по миллионам людей, и его роман и сегодня является величайшим художественным памятником героям, павшим не только в Испании, но и в Советском Союзе, Англии, Франции, памятником тысячам граждан США, отдавшим свои жизни во имя торжества гуманизма.

Выдающееся место, занимаемое романом «По ком звонит колокол» в американской и мировой литературе, определяется несколькими идейно-эстетическими факторами. Гражданская война в Испании была прологом мировой битвы против фашизма. Испанский народ явился передовым отрядом в этой битве, закончившейся победой демократических сил. Прогрессивная художественная

литература занимала активную позицию в многолетнем сражении, внесла значительный вклад в победу гуманизма, и это в первую очередь относится к замечательному роману Хемингуэя. Хотя содержание «Колокола» отражает события в одной стране, но проблематика романа является по сути своей интернациональной. Конкретно-историческое содержание «Колокола» сливается с его общечеловеческим содержанием, роман обретает философскую глубину.

В безвременной смерти в начале 60-х годов Эрнеста Хемингуэя было нечто созвучное его произведениям. С трагической гибелью художника редкого дарования, гуманиста, страстно любившего жизнь⁹³.

Хемингуэй умер 2 июля 1961 года. С тех пор утих сенсационный шум вокруг его личности, но интерес к творчеству писателя не уменьшился. Хемингуэю удалось, – пишет Лидский, – с неподражаемым мастерством запечатлеть конкретные черты времени, слить воедино тематику, порождённую самыми бурными десятилетиями XX века, с вечными темами искусства. Поэтому Хемингуэя будут читать как современного писателя и тогда, когда проблемы волнующие нас сегодня станут достоянием истории. Новые поколения, вооружённые собственным историческим опытом, вынесут из художественного наследия Хемингуэя новые уроки, новое счастье общения с огромным талантом»⁹⁴.

О творчестве Хемингуэя уже много написано. Но страсти вокруг его творчества и биографии не утихают. Каждый год выходят новые книги, новые статьи о Хемингуэе на его родине и в других странах. «Обостряется борьба вокруг его творческого наследия»⁹⁵.

«Настало время, – замечает Лидский, – дать объективную, основанную на детальном идейно-стилистическом анализе текстов и, по возможности, свободную от субъективных наслоений оценку вклада, который писатель внёс в сокровищницу мировой литературы, и определить место Хемингуэя в литературном процессе XX века»⁹⁶.

Не снимается с повестки дня и необходимость полемики вокруг наследия Хемингуэя. «Отстоять Хемингуэя – романиста и гуманиста – от посягательств реакции – насущная задача

⁹³ Мендельсон М. «Современный американский роман». М. 1964. с. 119.

⁹⁴ Лидский Ю. Я. «Творчество Хемингуэя». Киев. 1978. с. 404.

⁹⁵ Засурский Я. Н. В предисловии к книге Э. Хемингуэй. Репортажи. М. 1969.

⁹⁶ Лидский Ю. Я. «Творчество Хемингуэя». Киев. 1978. с. 404.

прогрессивного литературоведения»⁹⁷. Мы считаем Хемингуэя великим писателем, прежде всего потому, что на протяжении своего творческого пути он неизменно со всей силой своего дарования утверждал высокие гуманистические идеалы, боролся за человека.

Итак, можно сказать, что эпиграф из Донна Д., является ключом к пониманию романа «для каждого, кто читает роман Хемингуэя «По ком звонит колокол», и если этот колокол отзывается в душе читающего, то значит, не прервана связь острова и материка и роман, написанный в 1939 году, остается актуален и сегодня».

⁹⁷ Лидский Ю.Я. «Творчество Хемингуэя». Киев. 1978. с. 406.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

1. Анисимов И. Эрнест Хемингуэй в наше время. Знамя. 1965. №9.
2. Горбунов А. Статья «Хемингуэй – человек и писатель» в журнале «Новый мир». 1967. №8. С. 251-254.
3. Кашкин И. А. Статья «Перечитывая Хемингуэя (о творчестве американского писателя)» в журнале «Иностранная литература». 1956. №4.
4. Кашкин И. А. Статья «Хемингуэй на пути к мастерству» в журнале «Вопросы литературы». 1957. №6.
5. Кашкин И. А. Статья «Проза Э. Хемингуэя» в журнале «Октябрь». 1960. №3.
6. Кашкин И. А. Статья «Художник правды и мужества» в журнале «Что читать». 1960. №6.
7. Кашкин И. А. Статья «Содержание – форма – содержание» в журнале «Вопросы литературы». 1964. №1.
8. Кашкин И. А. Статья «Э. Хемингуэй» в альманахе «Прометей». Изд. «Молодая гвардия». М. 1966.
9. Кашкин И. А. О самом главном. «Проза Эрнеста Хемингуэя» в журнале «Октябрь». 1960. №3.
10. Кашкин И. А. Статья «О письмах Хемингуэя. Послесловие к публикации двух писем Хемингуэя» в журнале «Вопросы литературы». 1962. №10.
11. Кашкин И. А. Статья «Переключка через океан (О творчестве американского писателя Эрнеста Хемингуэя)» в журнале «Красная новь». 1939. №7.
12. Кожин В. «Реализм и действие в современной литературе» в журнале «Иностранная литература». 1963. №5.
13. Орлова Р. Д. Статья «О революции и любви, о жизни и смерти» в журнале «Звезда». 1964. №1. с. 206.
14. Платонов А. Статья «Навстречу людям (По поводу романов Э. Хемингуэя «Прощая, оружие!» и «Иметь и не иметь»)» в журнале «Литературный критик». 1938. №1.
15. Финкельштейн И. Статья «Советская критика о Хемингуэе» в журнале «Вопросы литературы». 1967. №8. с. 174-190.
16. Финкельштейн И. Статья «Вторая профессия Э. Хемингуэя» в журнале «Вопросы литературы». 1968. №12.

17. Финкельштейн И. Статья «В поисках поэтической истины» в журнале «Вопросы литературы». 1965. №4. с. 146-168.
18. Эльяшевич А. Статья «Человека нельзя победить» в журнале «Вопросы литературы». 1964. №1.
19. Яковлев Е. Статья «Скажите: по ком звонит колокол» в журнале «Журналист». 1962. №1. с. 59.

МОНОГРАФИЯ

Булычёва Маргарита Фаритовна
старший преподаватель кафедры Иностранных языков
Военно-технического института
Национальной гвардии Республики Узбекистан

ЗНАЧЕНИЕ ЭПИГРАФА РОМАНА Э.ХЕМИНГУЭЯ “ПО КОМ ЗВОНИТ КОЛОКОЛ”

Subscribe to print 08/07/2020. Format 60×90/16.
Edition of 300 copies.
Printed by “iScience” Sp. z o. o.
Warsaw, Poland
08-444, str. Grzybowska, 87
info@sciencecentrum.pl, <https://sciencecentrum.pl>

ISBN 978-83-66216-34-1

9 788366 216341